

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжао Д. Роль военного сотрудничества России и Китая в формировании многополярного мирового порядка // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.76561 EDN: KPDRTM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76561

Роль военного сотрудничества России и Китая в формировании многополярного мирового порядка

Чжао Дунской

аспирант; кафедра истории России; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2

✉ zhaodongxu123@foxmail.com

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.76561

EDN:

KPDRTM

Дата направления статьи в редакцию:

25-10-2025

Дата публикации:

01-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является военное сотрудничество России и Китая как фактор трансформации современной системы международных отношений и формирования новой архитектуры глобальной безопасности. Объектом исследования выступает российско-китайское взаимодействие в сфере обороны, военно-технического обмена и стратегического планирования в контексте становления многополярного мирового порядка. Автор подробно рассматривает историческую эволюцию, современные формы и институциональные механизмы военного взаимодействия двух держав, включая рамки Шанхайской организации сотрудничества и двусторонние форматы стратегического партнёрства. Особое внимание уделяется влиянию российско-китайской координации на архитектуру глобальной и региональной безопасности, а также её роли в укреплении принципов равноправия, невмешательства и коллективной

ответственности. Анализ охватывает как военно-технические аспекты, так и политики-нормативные измерения, раскрывая, каким образом данное сотрудничество способствует формированию устойчивой и сбалансированной модели международной стабильности. В работе применяются методы системного и сравнительного анализа, принципы политического реализма и конструктивизма, а также элементы теории комплексной взаимозависимости и институционального подхода. Научная новизна исследования заключается в раскрытии роли российско-китайского военного сотрудничества как ключевого фактора институционализации многополярного мирового порядка. В работе показано, что военное взаимодействие двух государств выходит за рамки традиционной оборонной политики, приобретая характер стратегического инструмента укрепления международной стабильности и равноправия. Анализ продемонстрировал, что совместные действия России и Китая способствуют формированию новых центров силы, снижению глобальной напряженности и развитию альтернативной модели коллективной безопасности, основанной на доверии и взаимной выгоде. Особое внимание уделено роли данного сотрудничества в укреплении позиций Глобального Юга и продвижении принципа суверенного равенства государств. Сделан вывод, что российско-китайское военное партнерство выполняет стабилизирующую и интеграционную функцию в системе международных отношений XXI века, способствуя развитию более сбалансированного и справедливого мирового порядка.

Ключевые слова:

Российско-китайское сотрудничество, Военная безопасность, Многополярный мир, Международные отношения, Геополитика Евразии, Стратегическое партнёрство, Шанхайская организация сотрудничества, Баланс сил, Институционализация безопасности, Конструктивистский подход

Введение

В начале XXI века международная система переживает глубокую трансформацию, связанную с ослаблением западноцентричной модели мирового порядка и усилением роли новых центров силы. На этом фоне отношения между Россией и Китаем приобретают особое значение, отражая общую тенденцию к формированию многополярности и поиску альтернативных форм глобального управления. Военное сотрудничество между двумя державами становится одним из наиболее наглядных проявлений этого процесса, служа не только инструментом обеспечения безопасности, но и механизмом структурирования новой архитектуры международных отношений [\[1\]](#).

Актуальность темы определяется необходимостью теоретического осмысливания роли российско-китайского военного взаимодействия в условиях трансформации мировой системы. Усиление военно-политической активности Запада, расширение НАТО, а также развитие конфликтов в Восточной Европе и Индо-Тихоокеанском регионе способствуют росту интереса к внеблоковым форматам сотрудничества, основанным на принципах равноправия и невмешательства. Российско-китайская модель взаимодействия демонстрирует возможность построения устойчивого партнерства без формального альянса, что делает её ценным объектом научного анализа.

Объект исследования российско-китайское военное сотрудничество как элемент внешней политики и международных отношений. Предмет исследования влияние этого сотрудничества на трансформацию мировой системы и формирование многополярного

порядка. Цель исследования проанализировать, каким образом военное взаимодействие между Россией и Китаем способствует институционализации многополярного мира и укреплению принципов равноправного международного взаимодействия.

Методологическую основу исследования составляют принципы системного и сравнительного анализа, методы политического реализма и конструктивизма, а также элементы теории комплексной взаимозависимости. Используются подходы геополитического и институционального анализа для оценки роли акторов в формировании региональных и глобальных режимов безопасности.

Научная новизна работы заключается в том, что российско-китайское военное сотрудничество рассматривается не только как элемент оборонной политики, но и как нормативно-политический инструмент формирования многополярного мирового порядка, способствующий институциональному укреплению альтернативных моделей глобальной безопасности.

Историческая эволюция военного сотрудничества России и Китая

Военное сотрудничество между Россией (СССР) и Китаем имеет сложную и многослойную историю, проходящую через периоды союзничества, конфронтации, нормализации и институционализации. Эта эволюция отражает не только изменения в международной системе, но и трансформации идеологических, стратегических и геополитических установок двух стран. Формирование современной модели российско-китайского военного взаимодействия невозможно понять без анализа её исторических оснований.

На первом этапе (1950–1959 гг.) отношения между СССР и КНР носили ярко выраженный союзнический характер. Заключённый 14 февраля 1950 года Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи зафиксировал обязательство сторон о взаимной поддержке в случае внешней агрессии, прежде всего со стороны Японии и её союзников. В рамках этого соглашения Советский Союз оказал Китаю масштабную помощь в создании национальной оборонной системы. Особую роль играла передача технологий, вооружений и обучение офицерского состава НОАК. СССР активно способствовал становлению военно-морского флота КНР, передав эсминцы, подводные лодки и истребители, а также оказав содействие в подготовке китайских военно-морских специалистов в советских академиях [\[2\]](#).

Военное сближение сопровождалось идеологической солидарностью в рамках социалистического лагеря, а также общей заинтересованностью в сдерживании США на Тихоокеанском направлении. Таким образом, альянс 1950-х годов представлял собой классический пример двустороннего военно-политического блока в условиях биполярной конфигурации международных отношений [\[3\]](#).

Однако уже к началу 1960-х годов союз начал распадаться под влиянием углубляющихся идеологических и стратегических противоречий. КНР не приняла курс десталинизации и идею «мирного сосуществования», проводимую Москвой, что породило напряжённость между двумя державами. Обострение отношений сопровождалось резким сокращением военного сотрудничества, сворачиванием советской помощи и усилением военной конфронтации на границе. Кульминацией стала вооружённая стычка на острове Даманский в 1969 году, символизировавшая глубокий кризис в двусторонних отношениях.

Период 1960–1978 годов характеризовался отсутствием доверия, взаимными обвинениями и милитаризацией границы. Это обстоятельство стало определяющим в

дальнейшем построении новой модели безопасности, основанной на принципах транспарентности и предсказуемости. Исследователи А. С. Арчугова и Л. В. Пономаренко подчёркивают, что опыт конфронтации сформировал у обеих сторон устойчивую стратегическую память, повлиявшую на осторожность при возобновлении диалога в конце XX века [4].

Нормализация отношений началась с визита Михаила Горбачёва в Пекин в 1989 году, ознаменовавшего восстановление двустороннего диалога. Вслед за этим последовали встречи министров обороны, в рамках которых обсуждались меры по снижению военной напряжённости. В 1993 году было подписано пятилетнее соглашение о военном сотрудничестве, а в 1994 году Соглашение о предотвращении опасных военных действий. Эти документы закрепили важнейшие механизмы доверия: предварительное уведомление о манёврах, запрет на создание помех в воздушном пространстве, совместные инспекции и обмен наблюдателями [5].

Ключевыми вехами институционализации военного сотрудничества стали соглашения, подписанные в Шанхае (1996) и Москве (1997). Они установили демилитаризованную зону в 100 км по обе стороны границы, ограничили размещение тяжёлого вооружения и предусматривали регулярные обмены информацией о военной активности. Эти шаги стали не только практическим инструментом снижения напряжённости, но и политическим сигналом о готовности к более глубокому партнёрству [6]. По сути, речь шла о переходе от конфронтационной модели пограничной безопасности к модели взаимного сдерживания и согласованной прозрачности.

Параллельно с процессом доверительного урегулирования началось восстановление военно-технического сотрудничества. Уже с середины 1990-х годов Россия стала крупнейшим поставщиком вооружений для Китая. Были заключены контракты на поставку истребителей Су-27, зенитных ракетных комплексов С-300, подводных лодок и авиационных двигателей. Китай, в свою очередь, воспринимал российские технологии как важнейший ресурс для модернизации НОАК, особенно на фоне ограниченного доступа к западным военным технологиям [7].

Завершением переходного этапа стал 2001 год, когда был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В нём стороны закрепили принцип ненаправленности взаимодействия против третьих государств и зафиксировали стратегический характер партнёрства. Военное сотрудничество стало рассматриваться как неотъемлемый элемент нового международного порядка, основанного на многополярности, суверенном равенстве и отстаивании принципа недопустимости гегемонии в международных делах [8].

Современные исследования Р. А. Явчуновская подчёркивают, что российско-китайское военное взаимодействие развивается по уникальной модели, сочетающей высокий уровень координации с отсутствием формального союзного договора [9]. Такое партнёрство позволяет двум державам адаптироваться к быстро меняющейся международной среде, укреплять свои оборонные потенциалы и одновременно избегать блокового мышления, характерного для периода холодной войны.

После подписания в 2001 году Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве отношения между Россией и Китаем в военной сфере вступили в качественно новый этап. От прежнего курса на военно-технические поставки и нормализацию политического климата стороны перешли к институционализации стратегического взаимодействия,

делая акцент на системной координации и стратегическом планировании.

Одним из ключевых направлений стала практика совместных военных учений. С 2005 года Россия и Китай регулярно проводят совместные тренировки, наиболее известные из которых серия учений «Мирная миссия» в рамках ШОС, а также военно-морские манёвры серии «Морское взаимодействие». По данным ChinaPower, к середине 2025 года проведено не менее 113 совместных военных мероприятий, охватывающих как сухопутные, так и морские и воздушные компоненты [10]. Особенno показательно участие России и Китая в морских манёврах в Японском море в августе 2025 года, где отрабатывались элементы противолодочной обороны, совместного ПВО, огневой поддержки и коммуникационной совместности.

С 2023 года важное значение приобрели совместные патрулирования в Тихоокеанском регионе, включая стратегическую авиацию. Пролёты российских и китайских бомбардировщиков с дозаправкой в воздухе и сопровождением истребителей фиксировались вблизи Японии и Корейского полуострова, что трактуется экспертами как демонстрация оперативной совместности и силы в ответ на активность США и союзников.

Ещё одной важной тенденцией стало расширение военно-морского взаимодействия в формате многосторонности. В марте 2025 года состоялись совместные учения России, Китая и Ирана "Security Belt-2025" в Оманском заливе, в ходе которых отрабатывались задачи по борьбе с пиратством, защите морских коммуникаций, десантированию и координации между флотами разных стран [11]. Это подтверждает растущие амбиции стран по созданию альтернативных систем региональной безопасности вне рамок западных альянсов.

На фоне западных санкций, особенно после начала конфликта на Украине в 2022 году, усилилось взаимодействие в военно-технической и образовательной сфере. По данным западных разведисточников, Россия активно делится с Китаем тактико-техническим опытом, полученным в ходе конфликта, включая методы противодействия западным дронам, системам ПВО и киберугрозам [12]. В 2024–2025 годах в России обучались китайские военные специалисты, включая подразделения радиоэлектронной борьбы и артиллерии, что свидетельствует о стратегической глубине обмена.

При этом в стратегическом диалоге фиксируется всё большая институционализация военного партнёрства. В мае 2025 года в ходе визита китайского лидера в Москву стороны подписали совместное заявление о расширении стратегического взаимодействия в сфере обороны, в том числе по линиям обмена разведданными, кибербезопасности, координации логистики и совместного использования инфраструктурных объектов [13]. Это заявление официально зафиксировало намерение двух стран укреплять оборонную устойчивость в условиях формирования «новой многополярной архитектуры безопасности».

Тем не менее, эксперты отмечают отсутствие формализованного военного союза. Россия и Китай сохраняют стратегическую автономию и избегают взаимных обязательств, аналогичных НАТО. Такое партнёрство можно характеризовать как асимметричную, но стабильную стратегическую координацию, не направленную формально против третьих стран, но объективно способствующую сдерживанию американского влияния.

Для наглядного представления ключевых этапов эволюции двустороннего военного взаимодействия представим краткую хронологическую таблицу, отражающую основные

события и документы, оказавшие решающее влияние на формирование современной модели сотрудничества:

Таблица 1. Этапы эволюции двустороннего военного сотрудничества России и Китая (1950–2025 гг.)

Период	Этап и ключевые события	Основные документы / инициативы
1950–1959	Союзнический период: подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи (14.02.1950); масштабная военная помощь СССР КНР, передача технологий и обучение офицеров НОАК	Договор 1950 г.; программы военной помощи и подготовки кадров
1960–1978	Период разрыва и конфронтации: идеологические разногласия, вооружённые инциденты на границе, включая конфликт на острове Даманский (1969)	Прекращение советской помощи; пограничные вооружённые конфликты
1989–1994	Этап нормализации: визит М. Горбачёва в Пекин (1989); восстановление диалога и снижение военной напряжённости	Соглашение о военном сотрудничестве (1993); Соглашение о предотвращении опасных военных действий (1994)
1996–1997	Институционализация доверия: установление демилитаризованной зоны вдоль границы, ограничение тяжёлого вооружения	Шанхайское соглашение (1996); Московское соглашение (1997)
1990-е – начало 2000-х	Возобновление военно-технического сотрудничества: поставки вооружений и технологий	Контракты на Су-27, С-300, подводные лодки, авиационные двигатели
2001	Переход к стратегическому партнёрству	Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001)
2005–2020	Период регулярных совместных учений и укрепления координации	Учения «Мирная миссия» (ШОС); «Морское взаимодействие»
2022–2025	Углубление стратегического сотрудничества, включая совместные патрули, обмен опытом и расширение оборонного взаимодействия	Учения «Security Belt–2025» (с Ираном); Совместное заявление о расширении стратегического взаимодействия (май 2025)

Источник: составлено автором

Историческая динамика военного сотрудничества между Россией и Китаем демонстрирует поступательную трансформацию от идеологического союзничества к pragmatическому стратегическому партнёрству. Если в 1950-е годы основой взаимодействия была идеологическая близость и военно-техническая зависимость Китая от СССР, то в XXI веке отношения приобрели институционально оформленный и взаимодополняющий характер. Опыт конфронтации 1960–1970-х годов способствовал формированию культуры

стратегической осторожности и взаимного уважения, что позволило сторонам выстроить устойчивые механизмы доверия и транспарентности в 1990-е годы. Современный этап характеризуется акцентом на совместных учениях, обмене военным опытом, координации в сфере безопасности и укреплении оборонного потенциала без заключения формального союзного договора. Такая модель сотрудничества отражает стремление России и Китая к сохранению стратегической автономии при одновременном укреплении многоуровневой архитектуры безопасности в Евразии.

Современные формы и направления российско-китайского военного взаимодействия

Современное российско-китайское военное сотрудничество представляет собой сложную и многомерную систему, сочетающую практические, технологические и институциональные аспекты. Его развитие происходит на фоне глобальной трансформации системы международных отношений, где ключевыми тенденциями стали эрозия американской гегемонии, рост значения региональных коалиций и возрастание роли «гибких» форм стратегического партнёрства. В этом контексте взаимодействие Москвы и Пекина в военной сфере можно рассматривать как инструмент не только укрепления национальной безопасности, но и формирования альтернативной модели международной стабильности модели, основанной на принципах равноправия, невмешательства и стратегической автономии.

Совместные военные учения одна из наиболее динамичных форм взаимодействия России и Китая, отражающая постепенное превращение двустороннего партнёрства из политico-декларативного в практическое. С 2005 года в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) регулярно проводятся антитеррористические учения серии «Мирная миссия», в которых принимают участие вооружённые силы обеих стран. Их цель не только отработка совместных боевых действий против условного противника, но и демонстрация способности координировать усилия в области борьбы с транснациональными угрозами, включая экстремизм и сепаратизм.

Эти учения имеют ярко выраженный политico-стратегический характер: они укрепляют доверие между странами-участницами ШОС, но при этом транслируют сигнал внешним акторам о формировании на евразийском пространстве альтернативного центра силы. По мнению ряда китайских исследователей Ван Хайюнь, регулярность и расширение масштабов данных манёвров свидетельствуют о постепенном «обучении» России и Китая стратегической совместимости, что в перспективе формирует устойчивую инфраструктуру безопасности нового типа [\[14\]](#).

Немаловажное значение приобрели и морские манёвры «Морское взаимодействие», проводимые с 2012 года в различных акваториях от Японского и Восточно-Китайского морей до Балтики и Аравийского моря. Эти учения выходят далеко за рамки демонстрации силы: они отражают стремление двух стран развивать навыки оперативной совместимости флотов, координировать действия при защите морских коммуникаций и проводить комплексные операции по противолодочной обороне, десантированию и эвакуации. Участие кораблей России в учениях в Южно-Китайском море имеет дополнительное значение, так как оно демонстрирует политическую поддержку позиции Китая в регионе, одновременно подтверждая стремление Москвы укреплять присутствие в Индо-Тихоокеанском пространстве.

В последние годы особое внимание уделяется совместным патрулированиям стратегической авиации и обмену опытом в сфере кибербезопасности и космических

технологий. С 2023 года фиксируются пролёты российских и китайских бомбардировщиков над Японским морем и Восточно-Китайским морем, что трактуется аналитиками как демонстрация растущей оперативной координации. Эти действия представляют собой своеобразный индикатор перехода от символического взаимодействия к реальной интеграции элементов военного планирования, пусть и в ограниченных рамках.

Таким образом, регулярные учения и обмен опытом не только укрепляют техническую совместимость армий, но и формируют особый тип практической дипломатии безопасности, где военные манёвры выполняют функцию политического послания подтверждения готовности к координации без создания формального альянса.

Военно-техническое взаимодействие России и Китая наиболее устойчивое и материально ощутимое направление партнёрства. В 1990-е и начале 2000-х годов именно поставки вооружений стали фундаментом восстановления доверия после десятилетий конфронтации. Россия передала Китаю истребители Су-27 и Су-30, зенитно-ракетные комплексы С-300 и С-400, подводные лодки, авиационные двигатели и радиолокационные системы. Эти поставки сыграли ключевую роль в модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и обеспечили Пекину технологический задел для собственных разработок.

Однако с середины 2010-х годов характер взаимодействия изменился. Китай превратился из импортёра вооружений в партнёра по совместным разработкам, что отражает новый баланс в двусторонних отношениях. Совместные проекты в области авиации, двигателестроения, кибербезопасности и противовоздушной обороны демонстрируют переход от иерархической модели (где Россия выступала донором технологий) к партнёрской модели инновационного обмена [\[15\]](#).

Это изменение имеет двойственный эффект. С одной стороны, оно усиливает паритет и взаимную заинтересованность сторон, создавая устойчивую платформу технологического сотрудничества. С другой вызывает осторожность в российском экспертном сообществе, опасающемся утраты конкурентных преимуществ в сфере оборонных технологий. Тем не менее, Китай рассматривает сотрудничество с Россией как стратегический способ компенсировать ограниченный доступ к западным технологиям, а Москва как возможность поддерживать оборонно-промышленный комплекс и укреплять свои позиции на азиатских рынках вооружений.

Особое место занимает военное образование и подготовка кадров. Китайские офицеры проходят стажировки в российских академиях, а российские специалисты участвуют в консультациях по вопросам военного планирования. Это не просто обмен опытом, а механизм передачи стратегической культуры и управлеченческих традиций. Таким образом, военно-техническое сотрудничество трансформируется в комплексную систему обмена знаниями, где взаимное обучение становится элементом стратегического сближения.

Институционализация российско-китайского военного партнёрства стала важнейшим фактором его устойчивости. Центральную роль играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), выступающая как площадка для координации политики безопасности и выработка общих стандартов в сфере военного взаимодействия [\[16\]](#). В отличие от НАТО, ШОС не является военно-политическим блоком, однако выполняет функции координационного центра, где решения принимаются на основе консенсуса и уважения суверенитета участников.

Для Москвы и Пекина это особенно важно, поскольку позволяет избегать асимметричных обязательств, сохраняя при этом высокий уровень координации. Совместные заседания министров обороны, подкомиссий по кибербезопасности, техническому сотрудничеству и подготовке кадров формируют институциональную архитектуру доверия, позволяющую странам вырабатывать согласованные позиции по вопросам региональной и глобальной безопасности.

Кроме того, двусторонние комитеты по военному сотрудничеству, ежегодные взаимные визиты министров обороны и встречи на уровне генеральных штабов создают плотную сеть коммуникаций, которая минимизирует риски недопонимания и усиливает прозрачность. Именно эта институциональная устойчивость делает российско-китайское военное взаимодействие отличным от большинства постсоветских союзных форматов, которые нередко остаются декларативными.

Таким образом, специфика российско-китайской модели заключается в сочетании гибкости и стратегической глубины. Отказ от формального союзного договора не является проявлением недоверия, а, напротив, отражает осознанную установку на «партнёрство без зависимости», позволяющее двум державам сохранять стратегическую автономию при сохранении согласованной внешнеполитической линии. Такая модель может рассматриваться как прообраз новой формы международной военной кооперации в условиях многополярности сотрудничества не по линии обязательств, а по линии совпадения интересов.

Роль российско-китайского военного сотрудничества в формировании многополярного мирового порядка

Российско-китайское военное сотрудничество, оформившееся в конце XX – начале XXI века как одна из ключевых составляющих стратегического партнёрства двух держав, оказывает заметное влияние на процесс формирования многополярного мирового порядка. Этот процесс следует рассматривать не как механическое перераспределение сил, а как структурную трансформацию самой международной системы, где военная координация России и Китая играет роль стабилизирующего, а иногда и компенсаторного фактора по отношению к западноцентричной модели глобальной безопасности.

В первую очередь, двустороннее взаимодействие России и Китая формирует новое стратегическое равновесие в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. После окончания холодной войны архитектура безопасности оставалась ориентированной на США и их союзников, что выражалось в расширении НАТО, военном присутствии США в Японии и Южной Корее, а также в попытках контроля над Центральной Азией через операции в Афганистане. В этих условиях координация между Москвой и Пекином стала естественным ответом на односторонность западных подходов. Совместные военные учения, включая серии «Мирная миссия» и «Морское взаимодействие», представляют собой не только демонстрацию силы, но и стратегический инструмент сдерживания, направленный на стабилизацию регионального баланса. Их значение заключается не в прямом противостоянии США и НАТО, а в утверждении идеи, что ни одна держава не обладает монополией на определение правил безопасности в Евразии.

Важно отметить, что в основе подобного подхода лежит концепция «многополярности», которую активно развивает российская и китайская дипломатическая мысль [17]. Согласно этой концепции, равновесие сил должно основываться не на соперничестве, а на координации автономных центров силы, обладающих собственной культурной и цивилизационной идентичностью. Россия, как военная держава с глобальным опытом

стратегического планирования, и Китай, обладающий растущим экономическим и технологическим потенциалом, формируют модель взаимодействия, где военная кооперация становится элементом не экспансии, а самосохранения инструментом защиты суверенитета в условиях давления со стороны Запада.

Существенным следствием российско-китайского военного сближения стало постепенное размывание монополии западных военно-политических альянсов. Расширение практик двусторонних и многосторонних учений, совместные инициативы по борьбе с терроризмом и киберугрозами, взаимодействие в рамках ШОС и БРИКС всё это создаёт альтернативные форматы коллективной безопасности. При этом важно подчеркнуть, что Россия и Китай не стремятся копировать натовскую модель взаимных обязательств. Их формат сотрудничества строится на принципе гибкости и отказе от обязательств, которые могли бы ограничивать стратегическую автономию сторон. Таким образом, речь идёт о формировании новой модели безопасности, выходящей за рамки традиционных военно-политических союзов, в которой устойчивость обеспечивается не юридическими гарантиями, а взаимным доверием, практической совместимостью и совпадением геополитических интересов.

С точки зрения международных теорий, подобная модель ближе всего к неореалистической концепции баланса сил, но с элементами конструктивистского подхода [18]. Если традиционный реализм трактует военные союзы как инструмент выживания в анархической системе, то в случае России и Китая речь идёт о выстраивании нормы стратегического равенства. Это своеобразная «реалистическая многополярность» (realistic multipolarity), в которой военная мощь служит не средством давления, а гарантией политического плюрализма. Таким образом, российско-китайская координация не разрушает глобальный порядок, а способствует его структурному усложнению, создавая условия для появления нескольких центров силы с различными, но совместимыми интересами.

Отдельного внимания заслуживает влияние российско-китайского взаимодействия на стабильность Центральной Азии. После вывода войск НАТО из Афганистана и обострения региональных рисков именно Москва и Пекин стали ключевыми гаранторами безопасности этого стратегического пространства. Через механизмы ШОС реализуются совместные операции по обмену разведанными, учения по борьбе с транснациональными угрозами, а также проекты по укреплению оборонного потенциала приграничных государств. Сочетание экономической активности Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и военной инфраструктуры России в регионе создаёт уникальный симбиоз «геополитический дуэт стабильности», где экономические и военные инструменты взаимно дополняют друг друга.

В глобальном контексте российско-китайское военное сотрудничество способствует укреплению концепции многополярного мира, основанного на признании культурной и политической диверсификации. Принцип суверенного равенства, активно продвигаемый обеими странами, становится идеологическим противовесом универсалистскому либеральному дискурсу Запада. При этом речь идёт не о создании антагонистического блока, а о попытке институционализировать многообразие мирового порядка, где каждое государство имеет право на самостоятельное определение своей модели безопасности.

С философской точки зрения, можно утверждать, что российско-китайское взаимодействие в военной сфере воплощает переход от униполярной логики контроля к многополярной логике равновесия [19]. В отличие от системы, основанной на «жёсткой» гегемонии, современная модель сотрудничества демонстрирует возможность

гармоничного сосуществования различных центров силы при условии взаимного уважения и отказа от вмешательства. В этом контексте Россия и Китай становятся не только участниками, но и архитекторами новой системы международных отношений, где военная мощь обретает смысл не как средство доминирования, а как гарантия стратегической автономии и баланса интересов.

Таким образом, российско-китайское военное сотрудничество можно рассматривать как один из фундаментальных механизмов перехода к многополярному миру. Его геополитическое значение заключается не в формировании нового блока против Запада, а в создании более устойчивой архитектуры глобальной безопасности, где взаимодействие строится на принципах взаимного признания, транспарентности и стратегического равенства. Эта модель, опирающаяся на исторический опыт, институциональные механизмы и идею цивилизационного плюрализма, формирует концептуальную основу для будущего международного порядка, в котором глобальное управление перестаёт быть прерогативой одного центра силы.

Заключение

Проведённое исследование показало, что российско-китайское военное сотрудничество является не просто элементом двусторонних отношений, а значимым фактором трансформации глобальной архитектуры безопасности. Его специфика заключается в сочетании стратегического прагматизма и концептуальной направленности на формирование многополярного мирового порядка, основанного на суверенном равенстве и балансе сил.

Военная координация России и Китая демонстрирует, что современная система международных отношений способна развиваться за пределами евроатлантической модели. Совместные учения, военно-техническое взаимодействие и механизмы диалога в рамках ШОС формируют альтернативный формат обеспечения безопасности гибкий, внеблоковый и основанный на доверии. Эта модель не направлена против третьих сторон, а служит укреплению региональной стабильности и снижению рисков конфронтации, особенно в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Одним из ключевых результатов анализа стало выявление того, что российско-китайское сотрудничество способствует диверсификации центров военной и политической силы, тем самым снижая монополию Запада на интерпретацию норм международного права и принципов безопасности. Оно не создаёт нового блока, но формирует пространство стратегического плюрализма, где различные государства могут выстраивать отношения, исходя из собственных интересов и идентичностей. В этом проявляется сущность многополярности не в количественном увеличении центров силы, а в качественном изменении логики взаимодействия между ними.

Кроме того, исследование подтвердило, что российско-китайская военная кооперация имеет нормативное значение: она укрепляет такие принципы, как невмешательство, уважение к суверенитету, равноправие государств и отказ от универсализма в сфере безопасности. Эти принципы находят отклик среди стран Глобального Юга и становятся идеологической основой альтернативной модели международного порядка, где безопасность понимается как коллективная, а не навязанная извне категория.

Таким образом, российско-китайское военное сотрудничество выполняет функцию стабилизатора в условиях мировой турбулентности. Оно не только усиливает оборонный потенциал двух стран, но и способствует институциональному оформлению многополярности как структурного принципа XXI века. С этой точки зрения, военное

взаимодействие России и Китая, это не реакция на кризис существующей системы, а осознанная попытка построить новую конфигурацию международной стабильности, где баланс интересов и взаимное признание становятся ключевыми гарантиями мира.

Итогом исследования стало понимание того, что роль российско-китайского военного сотрудничества заключается не в противостоянии существующим центрам силы, а в сбалансировании и гармонизации глобального порядка. Оно способствует формированию международной среды, в которой отношения между государствами развиваются не по логике доминирования и конфронтации, а по логике координации, взаимного признания и стратегического доверия. В этом проявляется его главная стратегическая и концептуальная ценность для современного мира: российско-китайское партнёрство становится одним из ключевых инструментов институционализации многополярности и укрепления принципов равноправного международного взаимодействия.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку влияния российско-китайского военного сотрудничества на глобальные режимы безопасности, анализ его восприятия в странах Глобального Юга, а также изучение влияния новых технологий кибербезопасности, искусственного интеллекта и космических систем на характер двусторонней военной координации. Такой подход позволит более полно осмыслить потенциал российско-китайского взаимодействия как одного из структурообразующих факторов будущей системы международных отношений.

Библиография

1. Дунсюй Ч. Региональные и глобальные аспекты военно-политического сотрудничества между Россией и Китаем в 1991–2020 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2023. – № 2. – С. 98-102.
2. Ли В.Н. Стратегическое партнерство России и Китая в военно-морской сфере // Международные отношения. 2024. № 3. С. 16-27. DOI: 10.7256/2454-0641.2024.3.71262 EDN: ZYFHFA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71262
3. Колдунова Е. В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации // Японские исследования. – 2024. – № 1. – С. 111-125. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125
4. Арчугова А. С., Пономаренко Л. В. Российско-китайское сотрудничество в военной области по материалам газеты "Жэньминь жибао" в 2014–2022 гг. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 443-462. DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-443-462
5. Дунсюй Ч. Военно-политическое сотрудничество между Россией и Китаем в 1991–2020 гг. // Казачество. – 2022. – № 63(6). – С. 91-96.
6. Харичкин И. К., Навдаева М. Е. Российско-китайское военно-морское сотрудничество в условиях geopolитической напряжённости в мире // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2024. – Вып. 49. – С. 55-73. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.49.55
7. Ли В.Н. Взаимодействие России и Китая в военно-технической области: особенности и тенденции // Конфликтология / nota bene. 2025. № 1. С. 65-74. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.1.73872 EDN: SYXBOG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73872
8. Явчуновская Р. А., Полончук Р. А. Российско-китайское сотрудничество в сфере обороны и безопасности: достижения, вызовы, управленические аспекты // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное

- управление. – 2024. – Т. 11, № 3. – С. 374-381. DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-3-374-381
9. Явчуновская Р. А., Абдрахимов Л. Г. Потенциал международного сотрудничества в военной сфере в национальных интересах России и Китая // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – Вып. 18-1. – С. 298-300.
10. Chinese and Russian Warplanes Patrol the Pacific in a Show of Strengthening Military Ties // TIME Magazine. – Декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://time.com/6237811/russia-china-bomber-patrol-military/> (дата обращения: 31.05.2025).
11. China-Iran-Russia "Security Belt 2025" Naval Exercise Wraps Up // China Military Online. [Электронный ресурс]. – URL: http://eng.chinamil.com.cn/CHINA_209163/Exchanges/News_209188/16375043.html (дата обращения: 31.05.2025).
12. Russia Is Helping Prepare China to Attack Taiwan, Documents Suggest // The Washington Post. – 26 сентября 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/09/26/russia-china-weapons-sales-air-assault/> (дата обращения: 31.05.2025).
13. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху... // Президент России. – Май 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6309> (дата обращения: 31.05.2025).
14. Ван Хайюнь. Семьдесят лет российско-китайских военных отношений: итоги и размышления // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2019. – № 4. – С. 37-48.
15. Ребкало А. П. Российско-китайские отношения (1991–2021 гг.): дипломная работа. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/283879> (дата обращения: 31.05.2025).
16. Дэн Хао. Новые изменения в Шанхайской организации сотрудничества на фоне украинского кризиса и меры реагирования // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2023. – № 3. – С. 1-19.
17. Солуянов В. С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 424-445. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445
18. Зобнин А. К. К определению принципа баланса сил: опыт неоинституционального подхода к международной среде // Международные процессы. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 55-73.
19. Дегтерев Д.А., Худайкулова А.В. Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 1. С. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0668.2018.1.25193 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25193

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора